

Нестабильность знати, однако, влекла за собой и противоположные центробежные тенденции: отсутствие прочного статуса византийской аристократии, особенно в провинциях, толкало ее к мятежам, отпадениям, дворцовым переворотам. Византийская знать отстаивала принцип автократии, а не самодержавную власть данного лица или аристократического рода. Положение меняется при Комнинах, когда упрочение феодальных отношений повлекло за собой консолидацию военной аристократии, укрепление социальных связей и объективно стало фактором централизации. Однако нельзя не видеть, оговаривается автор, и оборотной стороны феодализации — упрочения позиций феодальной провинциальной знати. Вместе с тем он подчеркивает, что тенденция к консолидации империи на феодальной основе при Комнинах оказалась безрезультатной, и в конце XII в. особенно остро обнаружило себя противоречие между центробежными силами феодализирующейся провинции и псевдо-центростремительными силами правящего Константинополя. Докладчик приходит к выводу, что в 1204 г. феодально-раздробленный Запад одержал победу над централизованно-бюрократической Византией. Латинская империя, однако, восприняла принципы и формы организации византийской автократии, а падение Константинополя создало предпосылки для создания «партикуляристских» образований (Никея, Эпир, Трапезунд).

Социально-экономическое развитие Византии в конце XI—середине XIII в. определялось двумя факторами общеевропейского характера: становлением провинциальных городов и упрочением феодальной вотчины. Эти выводы А. П. Каждана полностью совпадали с основными положениями доклада З. В. Удальцовой. Но в Византии развитию этих прогрессивных факторов мешали как серьезные внешнеполитические неудачи, так и существование прочных традиций «римской» государственности и социальной системы. В заключение автор призывает отказаться от традиционной трактовки феодализма как язвы, разъедавшей Византийское государство и подготавливавшей его распад. Феодальные институты в Византии XI—XIII вв. были не проявлением разрушительных, болезнетворных сил, а формами поступательного исторического развития. Те феномены, которые казались центробежными (провинциальные города, феодальные вотчины), оказались на деле оплотом реальной централизации (при Комнинах, Ласкарях), тогда как византийская централизованная автократия была негибкой государственной организацией и центростремительные по внешней видимости факторы лишь порождали универсалистские планы, объективно же ослабляли Византийскую империю.

Доклад В. Гроховой «Византийские города в XI—XIII вв. — феномен центробежный или центростремительный в эволюции византийского общества?» раскрывал роль городов в борьбе центробежных и центростремительных сил в Византии изучаемой эпохи. Автор полностью приняла основной тезис З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о перемещении в это время центра ремесленного производства из столицы в провинциальные города. Она признала и возрастание экономического значения провинциальных городских центров. Большое внимание докладчица уделила вопросу о проникновении в византийскую торговлю, в частности торговлю провинциальных городов, итальянского торгового капитала. Приведя многочисленные факты внедрения итальянских городов-республик в экономическую жизнь многих городов Эпира, Фессалии, Аттики и Пелопоннеса, исследовательница пришла к выводу, что экономический подъем в XI—XIII вв. переживали преимущественно те города Греции и Пелопоннеса, которые были связаны с международной торговлей, главным посредником в которой была Венеция и другие итальянские республики.

В. Грохова пыталась выяснить, влекло ли за собой экономическое